

Библиотека
новогреческой
литературы

Менис Кумандареас

Мастерская

Библиотека новогреческой литературы

Менис Кумандареас

Мастерская

«Алетейя»

УДК 821.14'06
ББК 84(4Гре)6-4

Кумандареас М.

Мастерская / М. Кумандареас — «Алетейя», — (Библиотека
новогреческой литературы)

ISBN 978-5-00165-057-7

УДК 821.14'06
ББК 84(4Гре)6-4

ISBN 978-5-00165-057-7

© Кумандареас М.
© Алетейя

Содержание

Менис Кумандареас: «Мастерская»	5
Глава 1. Гази 1	8
Глава 2. Поездка в провинцию	17
Конец ознакомительного фрагмента.	21

М. Кумандареас Мастерская

Менис Кумандареас: «Мастерская»

Менис Кумандареас (1931 – 2014) – один из ведущих греческих прозаиков второго послевоенного поколения. Самый чувствительный индикатор своего времени и неутомимый мастер слова. Ему, пожалуй, больше чем кому – либо из писателей Греции удалось передать чувства тревоги и беспокойства современного человека. Поэтому широкий круг читателей полюбил его произведения. Кумандареас оставил нам богатое наследие: рассказы, романы, эссе, автобиографические повествования, переводы. Его книги обсуждались всегда остро. Они были глотком воздуха для духовной жизни и стали классикой. Последователь великих писателей – реалистов XIX–XX вв., почитатель Гюстава Флобера, Германа Мелвилла, Уильяма Фолкнера и Томаса Манна. Ему удалось соединить классику с модерном, строгим, без излишеств, стилем, вниманием к деталям, атмосферой намеков, символическими и аллегорическими элементами, обращением к человеку – современному антигерою, который бросил вызов социальным устоям.

Менис Кумандареас родился, жил и скончался в Афинах. Греческая столица предложила ему богатый материал для создания своих произведений. Этот город, с древними и славными памятниками, удушаемый современным городским пейзажем, он обожал и оживил, как никто другой, в своих трудах. Наблюдая за жизнью людей, он следовал за ними в городские аристократические и мелкобуржуазные кварталы, прогуливался по торговым улицам в центре города и новым промышленным районам. Но прежде всего, он надолго задерживался в бедных кварталах, маленьких лавках, цирюльнях, местах ночных гуляк, народных тавернах, скромных кофейнях для пенсионеров, шумных сборищах молодежи в дешевых биллиардных с игровыми автоматами и притонах подозрительной ночной публики.

Писатель вырос и жил в одном старом престижном районе – на площади Виктории, расположенной рядом с Археологическим музеем, где были построены многие из первых в Афинах домов аристократии. Я вспоминаю его родительский дом, в котором он жил до свадьбы. Это была огромная квартира в здании с широкими мраморными лестницами. Еще молодой тогда писатель собирал там своих друзей – начинающих поэтов, художников и актеров. В его почти аскетичной комнате мы читали страницы произведений великих греческих и иностранных авторов, слушали полюбившуюся нам классическую музыку – Чайковского, Густава Малера, Прокофьева, Шостаковича. Менис хотел, чтобы его жизнь была посвящена только искусству. Он держался вдали от семейных дел и стал простым служащим в конторе какой – то судоходной компании. Оттуда он смог организовать свою жизнь так, как хотел. Поэтому все свое свободное время он был предан вопросам изучения анатомии социального разнообразия людей, которые жили, тяжело трудились, боролись, мечтали и предавались отчаянию в буржуазных Афинах.

Греческая столица – достаточно спокойный и обустроенный город начала XX века, кардинальным образом изменилась после 1922 года, став местом приюта огромного количества беженцев, появившихся в результате греко – турецкой войны в Малой Азии, когда почти два миллиона греков были изгнаны со своей родной земли. Все они расселились в разных уголках Греции, а многие из них оказались в Афинах сначала в палатках, а затем во временных бараках, возведенных в новых районах вокруг центра города. После немецкой оккупации и Гражданской войны, которые продолжались почти целое десятилетие, к малоазиатским беженцам присоединились жители уничтоженных по всей Греции деревень, которые также нашли свое убежище в столице.

Таковыми были Афины, по которым бродил и которые изучал автор «Мастерской», и такими он обессмертил их в своих произведениях. Конечно же, Кумандареас интересовался не внешней, а внутренней – человеческой – стороной. Он был наблюдателем и анатомом человеческой души. И у него это получалось, поскольку он обладал величайшим достоинством романиста: мог отождествлять себя со своими персонажами, сочувствовать им, а также внимательно создавать их, наблюдая на расстоянии и с иронией их бессилие выйти из тупика взаимоотношений, социального окружения, несбыточных любовных страстей. Многие герои его книг являются, позволю себе сказать, чеховскими. Кумандареас обожал Чехова именно за эту ироническую и одновременно сочувствующую позицию по отношению к своим персонажам. Он изображает героев, которые тяжело переживают горечь своей зря прожитой жизни, несбыточных грез и наступающей старости.

«Мастерская» – четвертая книга Мениса Кумандареаса, изданная в 1975 году, когда писателю было 44 года и он уже был известен благодаря успеху своих предыдущих сборников рассказов. Это был его первый роман. Критики восприняли его с восторгом. На дворе стояли тяжелые времена. Только что закончилась диктатура «черных полковников», т. н. «Хунта», начавшаяся в 1967 году и продолжавшаяся целых семь лет, погрузившая Грецию во тьму фашизма. Военная диктатура была своего рода эхом господства правых и ультраправых сил после поражения демократических и левых сил в Гражданской войне, закончившейся в 1949 году. С тех пор политическая жизнь в Греции отличалась признаками аномалии. Страна существовала под контролем политических идеологий. Действовали лагеря для ссылки противников режима, важную роль в котором играла королевская семья – «Дворец». Подобная ненормальная ситуация достигла своей кульминации в виде диктатуры. Последовали новые гонения и ссылки диссидентов. Восстали студенты, так же как и представители мелкой буржуазии, которые, несмотря на свое возмущение, склоняли головы и держали рот на замке, молча терпя диктатуру. В то же время в Грецию начали прибывать иностранные транснациональные компании, которые стали открывать большие магазины и супермаркеты. Столкнувшись с незаконной конкуренцией, представители малого бизнеса постепенно стали закрывать свои магазины и мастерские. Афины изменили свой облик и превратились в город, который утратил свой традиционный стиль и окраску. Старые красивые мелкобуржуазные неоклассические дома со своими двориками и маленькими палисадниками разрушались, а на их месте поспешно возводились безвкусные многоэтажные постройки.

Одним из таких увядающих предприятий Афин была *Мастерская* по производству светильников, которой посвящен роман. Владелец назвал ее «мастерской» как эвфемизм. По сути же, речь идет о маленьком складе светильников в одном из бедных районов, расположенном на границе новой городской промышленной зоны. Эту «мастерскую» унаследовала главная героиня романа Беба, где она работает со своим мужем. Они оба принадлежат к беспокойному и воинственно настроенному поколению студентов, мечтающих о *другой* Греции – прогрессивной и демократичной. Поэтому они и выходили на улицы с плакатами и лозунгами, протестуя против сложившейся политической ситуации. Однако время и социальные условия стали оставлять на них безжалостные следы разочарования и развенчивания мечтаний, а также превращать их жизнь в повседневную серую рутину.

Главная героиня Беба – это женщина, которая сохранила в себе нечто девчачье. Она из тех, кого мы встречаем каждый день и не обращаем на них особого внимания. Она ездит на маленьком автомобиле «Шкода». Обычный внешний вид, обычная машина. Ничего особенного, ничего выделяющегося. Но писатель делает нам близким этого человека, который начинает тонуть и исчезать, как исчезают и разрушаются окружающий ее квартал, человеческие отношения и надежды. Читатель наблюдает за тем, как накапливаются в душе героини осколки разрушаемого, как она постепенно подходит к дерзким действиям и поступкам и оказывается в

безвыходной и унижительной любовной ситуации, в то время когда рядом с ней ее муж просто погибает, потеряв всякую силу воли, и все больше поддается депрессии.

Жизнь замужней пары и их «мастерской» одновременно и весьма аллегорично связаны с какой – то параллельной канвой. Закрытие предприятия главной героини оставляет много намеков на социальные изменения, которые отличали Грецию в начале 1970 – х. В реалиях ничто не может помешать работе предприятия, как и жизни пары, на пути к уничтожению, однако этот путь, по мнению писателя, приобретает символические масштабы мучительных попыток людей выжить в жесткой социальной среде, полюбить и стать любимыми, спасти то, что смогут от своих первых грез, проявить терпение и оказать сопротивление.

Благодаря аллегорической нотке «Мастерская» является беспощадным анализом своего времени. Этот роман – проявление того, что Кумандареасу умело и без труда удалось перевести сюжет произведения от поэзии поражения и разрушения к ироническому величию терпеливого забвения.

Франгиски Абадзопулу

Глава 1. Гази ¹

Каждую субботу вечером Беба Тандис, чертовски уставшая и чаще всего в дурном расположении духа, медленно идет по улице Пиреос, неся домой кипу счетов и квитанций. С пустыми руками, конечно, ходить куда лучше. Однако с тех пор, как она после смерти отца стала владелицей его мастерской и взяла мужа в компаньоны, многое изменилось: от юной безработной девушки не осталось и следа. Грудь отяжелела, волосы потускнели...

Маленькая стекольная мастерская, она же лавка, помещается в первом этаже двухэтажного дома на перекрестке Иерасоду и Пиреос, где прежде был овощной рынок, а теперь разбит небольшой сквер. Напротив – газовый завод «Гази», занимающий территорию в три гектара. Отсюда вечно поднимается дым и пар, заволакивая квартал. Завод обнесен колючей проволокой, и это напоминает времена оккупации. А если у ворот, кроме вахтеров, торчит еще и часовая, то Бебе всякий раз кажется, что вернулись времена гражданской войны. Тогда она ускоряет шаг, чтобы поскорее попасть в мастерскую.

Жалюзи на дверях приспущены, и ей приходится нагибаться. Внутри, среди нагромождения люстр и светильников, сидит муж: он работает над счетами за накрытым пластиком письменным столом, скрестив под стулом ноги. На висках седина, пульсирующие жилки. Беба ставит сумку и садится рядом с ним. Они обсуждают последние заказы, раскладывают по числам векселя, закрывают кассу. Затем опускают жалюзи и уходят.

Живут они в нескольких кварталах отсюда. Когда они идут по переулкам района Руф, Беба иногда останавливается подтянуть чулок, а Власис – так зовут ее мужа – покупает сигареты.

Придя домой, Власис усаживается в кресло, а Беба снимает туфли и, стоя перед зеркалом, расстегивает молнию на юбке и ждет, пока та сама соскользнет на пол... Познакомились они в университете. Власис бегал тогда в деканат, оформляя какие – то документы для диплома, а Беба, второкурсница, сдавала зачеты. Встречались они в кондитерских на улице Сина в компании ее однокурсников, увлекавшихся профсоюзным движением, забастовками, политическими выступлениями. Резко, как выстрелы, звучали за столом слова: «фашист», «убийца», «доносчик». Потом, когда его взяли, она по воскресеньям возила ему в Коринф передачи – смену белья, сладости, книги по обществоведению, аккуратно завернутые в правые газеты. С вызывающим видом проходила мимо часовых, а те пожирали ее глазами. Беба носила платье с большим вырезом, волосы перевязывала белой лентой. Зачесывала она их назад над высоким выпуклым лбом... Потом политика перестала увлекать их. Для Власиса и Бебы настала пора субботних вечеров в номерах загородных гостиниц, где на окнах – газеты вместо занавесок, на стуле – все то же небрежно брошенное платье, а рядом, на полу, – стоптанные солдатские башмаки...

Пока Беба переодевается и расплетает перед зеркалом волосы, Власис переключает программы телевизора в поисках новостей. Новости всегда ходят друг на друга, как две капли воды. Лишь при сообщении об очередном перевороте Власис оживает. Впрочем, и перевороты в последнее время стали обычным делом... Беба медленно натягивает вечернее платье, просит Власиса застегнуть молнию. Затем Власис берет ключи от квартиры, Беба – от машины; они усаживаются в маленькую «Шкоду»: Беба – за руль, Власис – рядом.

Ездят они всегда одной и той же дорогой: Агиу Константину – Филэлликон – Сингру. В конце пути их ждет рестораник «Марида» с рыбной кухней. Садятся за знакомый столик, где их уже ждут старые друзья Васос Рахутис и Спирос Малакатес, заказывают закуску, вино «Деместиха» и заводят привычный разговор. Другим уже по сорок пять, так что они

¹ Гази – район в Афинах. – Здесь и далее примечания переводчика.

немного старше Власиса. Васос, полный астматик с глубоко запавшими глазами и нежным девичьим ртом, окончил школу фармацевтов и работает агентом по доставке лекарств на дом. О лекарствах он может говорить без конца, так как действительно неплохо разбирается во всяких там транквилизаторах и других успокоительных средствах. Спирос, высокий, худой, хромой на левую ногу, жил одно время в Америке, где работал на конном заводе, потом воевал в Корее в составе греческого экспедиционного корпуса², и вернулся в Грецию нищим и бездомным. Теперь он еле сводит концы с концами, перебиваясь случайными заработками.

Васос и Спирос – холостяки. Оба живут в Неа Смирни, в одном доме; на одном этаже – дверь в дверь. Супруги Тандис помогают им как могут, поручая сбывать товар. Друзья уже не раз ездили за их счет в Патры, Волос, Салоники, таская с собой полуразвалившиеся чемоданы, перевязанные бечевкой. Ездят они ночными поездами, в купе сидят друг против друга. Спирос курит крепкие папиросы, Васос – сигареты марки «Сайте».

С супругами Тандис они познакомились несколько лет назад в Неа Макри. В жаркие дни оба приятеля после обеда бродили по пляжу: Васос в обвисших плавках, за ним – Спирос, сутулый, в белом купальном халате; они безмолвно двигались в знойном мареве, лишь иногда робко, словно девушки, пробуя ногой воду. По вечерам Васос и Спирос в просторных летних костюмах сидели на веранде гостиницы и курили купленные в киоске дешевые сигары. Они сидели, глядя на чету Тандис, перехватывая их взгляды и ловя на лету их слова, как голодные ловят кусок хлеба. В те дни Беба носила желтое платье с кружевным воротничком. В руках у нее был сандаловый веер, привезенный каким – то дельным родственником из заморских стран. Веер то прятал, то открывал ее глаза, большие и влажные, будто огни в тумане. Под ее взглядом оба приятеля замирали, дыхание их прерывалось.

Тогда – то они и подружились. Вначале их дружба, как и положено всякой новой дружбе, была неумемной и восторженной; потом страсти улеглись, и им довольно уже было встречаться раз в неделю... Каждую субботу по вечерам маленькая «Шкода», по обыкновению, подъезжает к ресторанчику «Марида», где ее уже поджидают Рахутис и Малакатес. Они пьют, едят, обсуждают последние события, пытаясь в них разобраться. Но любой, даже самый горячий спор неизменно затихает после первых же всплеск отчаянного красноречия. На обратном пути «Шкода» подвозит друзей до Неа Смирни. Супруги Тандис привыкли возвращаться домой на рассвете: обычно они еще подъезжают к мастерской – удостовериться, что свет погашен и двери на запоре. У кого – то из супругов обычно бывает бессонница: она мучает их попеременно. Тогда один неподвижно лежит в темноте с открытыми глазами, чтобы не разбудить другого.

Временами дела идут у них совсем худо. Вместо того чтобы плавиться в печи, а затем разливаться в формы, стекло залеживается, копится на складах. А когда покупатели наконец найдутся, им приходится платить проценты за просрочку платежей и штраф за превышение положенного срока хранения товара. Цены падают. Кредиторы торопят, размахивая векселями, а должники просят о новых отсрочках, так что товар – лампы, светильники, люстры – постепенно накапливается в мастерской. Сидя среди люстр, покрытых толстым слоем пыли, супруги Тандис видят, как дневной свет за окном из голубого превращается в фиолетовый; затем вдруг наступает чернота. Тогда они опускают тяжелые жалюзи и отправляются домой. Беба чаще всего остается дома, а Власис идет куда глаза глядят.

Он бродит по переулкам Руфа, где ютятся авторемонтные и механические мастерские, пробираясь между бульдозеров и бетономешалок, автоприцепов с ящиками, загромождающих улицы квартала. Запах бензина смешивается со зловонными испарениями газового завода. Власис проходит улицу Пиреос, затем – улицу Тритис Септемвриу и останавливается на площади Виктория выпить бутылочку содовой со своими бывшими однокурсниками – большин-

² В интервенции против КНДР в 1950 – 1953 гг. под вывеской «войск ООН» принимали участие армейские подразделения США, Греции и некоторых других стран.

ство из них уже обзавелось животами и лысынами. Они болтают о марках автомобилей, биржевых делах, жилищном вопросе, о женщинах и хороших тавернах. Власис уходит подавленный – ему хочется чего – то иного. Он идет в одну из кофеен, что на улицах Эолу и Афинас. Здешние завсегда – простые рабочие – всегда рады новому собеседнику, с которым можно поделиться заботами, поговорить о зарплате и дороговизне. Кроме того, у них вызывает уважение его профессия коммерсанта. Однако Власису и это очень быстро надоедает. Как – то он решил заняться карточной игрой и погрузился в нее с головой. Играл с какими – то бездельниками в преферанс и в «юнчину» в кофейнях, где никто его ни о чем не спрашивал. Убивал время, играя или наблюдая за игрой, – и очень скоро начал проигрывать. Он слишком поздно понял, что вся эта компания игроков – проходимцы и дельцы, посвященные в тайны азартных игр, бегов и пари. Эти люди напомнили ему спекулянтов периода оккупации. Чувствовалось, что они не брезгают самыми темными делами – например, увлекают провинциалок и торгуют ими. Он был чужим в этой компании. Поняв это, Власис снова стал оставаться дома.

Усевшись в кресло, он смотрит, как жена красится и причесывается перед зеркалом, листает журналы мод или дешевые фотороманы. На книжных полках пылятся тома Маркса и Энгельса, история политэкономии, история Второй мировой войны, несколько художественных произведений. Прежде Беба читала все, что попадало под руку. Покупала книги в расрочку у разносчиков, приобретала за полцены прямо с тележек букинистов, брала разрозненные тома энциклопедий в книжных магазинах. Это не мешало ей страстно увлекаться политикой, разрабатывать проекты новых экономических систем, которые она мечтала осуществить... Теперь они оба предпочитают просто спокойно лежать рядом, включив телевизор.

Вечером, в постели, рука Власиса ищет ее руку – в знак молчаливого подтверждения того, что ничто не изменилось, что если даже дела и идут не столь успешно, как раньше, а жизнь стала однообразной, то таково свойство самой жизни – и ничего больше. Беба спокойно принимает его руку, они долго лежат, глядя друг другу в глаза. Затем Беба убирает руку и включает свет.

В один прекрасный день Беба решила оживить торговлю, начавшую было замирать. Пусть ее мысль и отступает перед абстрактными понятиями, но зато в практических вопросах ее изобретательность не знает пределов. Беба достала старые покрывала, наволочки и платья – приданое матери и бабушки – и принялась срисовывать с них узоры: гирлянды из плюща, венки из роз, треугольники, шестиугольники и пирамидки. Она переводила рисунки на кальку и несла к формовщикам. Те делали трафареты для стекольных мастерских, где их перерисовывали вручную или переносили на стекло точно переводные картинки. Рисунки годились для бра и ночников, отлично смотрелись на фарфоре, фаянсе и обычном стекле. Часть пошла на оформление абажуров. На репс и сатин – лилии и сирень, на полотно – меандр, а на пергамент – зигзаги и полумесяцы. Нет, хватит с нее всей этой хрустально – люстровой классики – «мини – водопадов», «каскадов», «бус» и «шагрений». Беба создала новые формы светильников – «колокольчик», «свирель», «трефовый туз», выгодно отличавшие их вещи от изделий других мастерских.

Копаясь в чуланах, так что все волосы потом были в паутине, Беба отыскивала новые сюжеты для рисунков: то чайный сервиз с маркизами, то старые цветные литографии, фрески из церкви Константина и Софии, то изделия ручной заботы двадцатых – тридцатых годов с константинопольскими, александрийскими и восточными мотивами. Сидя в мастерской, Беба одной рукой держала трубку телефона и передавала заказы, а другой заканчивала очередной рисунок. А когда сидевший рядом Власис отрывался от счетов, чтобы обмакнуть в кофе сухарик, Беба бросала на него такой уничтожающий взгляд, что у него начинали дрожать руки.

На субботние встречи Беба стала брать альбом с образцами, как другие женщины берут с собой вязание. Показывала рисунки Рахутису и Малакатесу, а те разглядывали их с большим интересом. Васос подносил альбом к самым глазам – казалось, ему хочется заблудиться

и навсегда раствориться в их диковинных узорах. Спирос же, наоборот, держал альбом на расстоянии, словно хотел охватить рисунки в перспективе, уловить их общую идею. Теперь поводом для нескончаемых споров служили рисунки. Друзья вспоминали случаи из семейной жизни, старых знакомых, давно оставленных женщин, места, в которых бывали или мечтали побывать. Власис не мог отвести глаз от жены. Ее волнистые волосы обрамляли белое лицо, губы раскрывались, будто рана; глядя на ее декольте, он представлял себе родинку меж грудей, ту, которой он мог любоваться часами.

Но постепенно заказчикам новые сюжеты примелькались, спрос на них пошел на убыль; прошло и увлечение Бебы. За это время она успела поднакопить денег и вложить их в акции. Акции она держала в мастерской, в маленьком сейфе, вместе с жемчужным колье и рубиновой брошью – старинными семейными реликвиями; ключи от сейфа хранились у нее.

После обеда Беба выбирала какой –нибудь журнал и усаживалась перед телевизором, глядя на экран отсутствующим взором. Иногда она предлагала Власису куда –нибудь сходить, но тот, как правило, не изъявлял особого желания. Тогда она брала черную бисерную сумочку и уходила одна, покупала сигареты, заходила в булочную за галетами для Власиса. Перед авторемонтными мастерскими всегда околачиваются молодые ребята в спецовках, выпачканных маслом и мазутом. Когда она проходит мимо, они всякий раз отпускают ей вслед шуточки, и их перемазанные физиономии расплываются в белозубых улыбках. Чтобы попасть туда, где можно вздохнуть свободно, ей нужно перейти железнодорожное полотно, пересечь улицу Константинопольскую и выйти на площадь с памятником благотворителю Флемингу³. Там, в маленькой кондитерской, Беба усаживается за столик под перечными деревьями и ждет, пока ее обслужит полный, смуглый официант родом из Салоник.

Звать его Димитрис. Он недавно демобилизовался и пока работает официантом. Собирая стаканы и вытирая столы, он всегда улучит минутку спросить, как ей понравились бисквиты или мороженое. Иногда он тайком приносит ей безе или миндальное пирожное, завернутое в салфетку, и тут же уходит, прежде чем Беба успеет отказаться. Мало – помалу он привык беседовать с ней, как бы исповедоваться, изливать душу. Димитрис мечтает наняться матросом, чтобы удрать потом в каком –нибудь порту подальше от родителей и сестер – у него в Салониках одна замужняя сестра и две незамужних, – и начать новую жизнь. Все дело только в матросском билете. Нет ли у нее знакомого, который мог бы устроить ему такой документ? Когда он, склонившись над ней, что – то говорит ласковым шепотом, его колено, как бы невзначай, касается ее колена. Беба резко меняет положение, поправляет юбку и сдвигает колени. Глаза ее мечут молнии из – под опущенных ресниц. Она доедает пирожное и уходит, оставив на столике плату и чаевые.

По вечерам, лежа в постели, Беба иногда рассказывает Власису об этом официанте, хвалит его характер – таких милых, душевных людей теперь не сыщешь. Может быть, у Власиса найдется знакомый, который мог бы помочь Димитрису? Власис слушает молча. При свете ночника ему можно дать все его сорок лет: его выдает лицо, бледное от постоянной нехватки свежего воздуха, с резко обозначенными венами на висках, с тонким носом, утолщающимся к переносице, с мясистыми губами, взятыми в скобки морщин. Морщины, пожалуй, сильнее всего подчеркивают его возраст. Изредка их расправляет открытая, детская улыбка. Когда Власис лежит с закрытыми глазами, Беба не может вспомнить, какого они цвета. Ей кажется, что они светло – карие, цвета орехового масла. Она помнит только, что глаза Власиса подернуты влагой и блестят, будто капли лимонного или мандаринового сока. Беба продолжает рассказывать об официанте из Салоник, разбирая отдельные черточки его характера, и говорит, как о достоинстве, о крупных чертах его лица. Когда энтузиазм жены наконец проходит, Власис ищет рукой ее руку, точно слепой в надежде обрести свет. После того как Беба засыпает, он

³ Александр Флеминг – английский микробиолог, открывший пенициллин.

долго лежит с открытыми глазами. Теперь глаза у него темные, даже иссиня – черные, как штольни лигниговых шахт.

Некоторое время все шло, как всегда. Но неожиданно пришла телеграмма из Патр, требовавшая немедленного приезда одного из владельцев мастерской или их полномочного представителя. Напрасно Беба предлагала послать Васоса, Спироса или обоих вместе. Впервые за столько лет Власис заупрямился, стал угрожать и чуть не расплакался. Можно было подумать, что от этой поездки зависели не интересы предприятия, а его собственная жизнь. Его бледное лицо пожелтело, глаза сверкали ребячьим упрямством. Он купил чемодан, панаму, запасся блокнотами для счетов, отнес свой старый «Зенит» к часовщику – заменить стекло и ремешок, несколько раз заходил в трансгентство, чтобы узнать расписание поездов, стоимость билетов и часы отправления. «В конце концов, – решила Беба, – ему не мешает сменить обстановку и лишний раз проявить самостоятельность». Такая перспектива ее немного пугала и вместе с тем радовала. Беба отвезла Власиса на Пелопоннесский вокзал и долго стояла на перроне, пока поезд не пропал из виду.

В тот же вечер на город вдруг налетел неистовый южный ветер. Район Гази заполнился клубами пыли. У входа в метро началась давка. Дышать было трудно. Беба заперла мастерскую раньше обычного и отправилась домой. На пустыре мальчишки гоняли тряпичный мяч. Рядом с ней шагали пожилые пары – неуклюжие мужчины, грузные женщины; толкаясь и обгоняя ее, шли солдаты, строители в касках... Взгляды мужчин становились все назойливее... Бебе казалось, будто ее преследуют, идут за ней по пятам...

Дома Беба застала страшный беспорядок. Вещи Власиса были разбросаны по всем углам. Плюшевые домашние туфли – ее подарок ко дню рождения – и голубая пижама с желтой тесьмой и монограммой напомнили ей летние поездки в Лутраки, шумных гостиничных постояльцев, оккупировавших балконы и жующих груши и сладкие вишни. Рядом, на спинке кресла, валялся красный в полоску галстук – Власис надевал его в прошлом году на ее именины.

Именины у Бебы четвертого декабря, в день святой Варвары, но о них она обычно забывает. Дело в том, что Беба не любит своего полного имени. Оно напоминает ей бесконечные визиты в полицейский участок и в центральное управление Асфалии⁴. Там, в душных кабинетах, где над столами сосредоточенно корпят полицейские с бритыми толстыми загривками, ей пришлось провести немало часов, чтобы продлить разрешение на содержание мастерской, и вступить в кассу кустарей, ремесленников, получить водительские права и удостоверение о благонадежности. Потом ее все время преследовали крики, доносившиеся из подвалов этого мрачного здания.

Теперь Бебе ничего не оставалось, как, скинув платье, бродить по опустевшим комнатам, изредка останавливаясь перед зеркалом – как бы затем, чтобы вновь убедиться в совершенстве своего тела. Черное белье подчеркивало белизну ее ног. Ноги были красивы – Беба это знала: упругие, сильные, округлые в бедрах и плавно сужающиеся к икрам. Порой ее тянуло показать эти ноги в каком –нибудь борделе. Она представляла, как они будут выглядеть в старости – такие медленно угасающие свечи в дорогих шелках. Дом наводил на Бебу скуку; ей хотелось куда –нибудь пойти, как это делают мужчины, когда им нечего делать.

Надушившись и сменив несколько платьев, она наконец выбрала одно, самое шикарное, взяла ключи от дома и машины и хлопнула дверью. Купила в киоске пачку сигарет. Булочная была закрыта. Пересекла железнодорожное полотно, прошла по Константинопольской и вышла на площадь с памятником благодетелю, к кондитерской. На этот раз ее обслуживал другой официант, хромой старик. На вопрос о парне из Салоник он ответил, что тот уже несколько дней не появлялся. «Вот она, молодежь! – жаловался старик. – Сваливают на нас всю работу, а сами шляются». Она ела мороженое маленькими глотками и вдруг почувствовала, что на нее

⁴ Асфалия – греческая охранка.

смотрят. Это был офицер, совсем юный, с безупречной прической и ослепительной белозубой улыбкой. Его фуражка лежала на стуле рядом, и он то и дело поправлял ее. Офицер искоса поглядывал на Бебу, следя за малейшим ее движением, – то весело, то серьезно, но всегда иронично. Его самоуверенность раздражала Бебу. Она хотела встать и уйти, но из чистого упрямства осталась. Когда Беба вдруг уронила ложечку, офицер тут же подозвал официанта и попросил, чтобы тот принес «госпоже» другую. За этим последовали неизбежные вопросы, на которые пришлось отвечать. Отвечала она резко, явно не желая кокетничать; говоря по совести, ей не хотелось быть одной; ей не доставало голоса того парня из Салоник. А голос офицера явно намекал, что ей нечего рассчитывать на какое – то особое обращение. Такая дерзость была ей обидна и вместе с тем приятна – будто ледяная вода в знойную летнюю ночь. Звездочки и полоски на его погонах поблескивали в полумраке. Спросив разрешения и не получив его, он все же пересел за ее столик. Вынул из кармана пачку американских сигарет и положил рядом с ее сигаретами.

Звали его Рогакис, Мимис Рогакис. Родом он был из Патр и имел место в Мегало Певко, где скоро будет заниматься расшифровкой аэрофотоснимков. Говорил Мимис уверенно, властно сжимая губы. Отутюженная форма сидела на нем безукоризненно. Беба спросила, почему он избрал военную службу и не захотел сделать какую – то иную карьеру. «Потому что армия, – отвечал он вполне серьезно, – это авангард избранных, гвардия спартанцев». Мимис восхищался курсантами с детства, и ему хотелось стать военным – но не просто военным, а поступить на такую службу, которая обеспечивала бы, кроме денег, еще и моральное удовлетворение, ну и, конечно, быстрое продвижение по службе. «Задача армии, – говорил он, – защищать идеалы нации и подавлять всякую антинациональную деятельность. А такую задачу может выполнить только каста специально отобранных и обученных людей». Беба слушала его, не перебивая; отметила только, что ему очень идет военная форма. Без нее он наверняка был бы совсем другим человеком. Лейтенант не сводил с нее блестящих глаз. Будь у них ресницы, они были бы еще красивее.

Мимис рассказывал, что давно мечтает попасть в Америку – он окончил курсы английского языка и хочет стать специалистом по психологической войне; что это была за война, он не уточнил. Но чем больше он о ней говорил, тем больше вытягивались его лицо и шея; казалось, еще немного – и он зашипит как змея и изо рта высунется дрожащий раздвоенный язык. Бебе хотелось надавать ему пощечин, расцарапать лицо в кровь, прежде чем офицер опомнится и набросится на нее. Внезапно она ощутила к нему такую же ненависть, как к немцам в оккупацию, как к агентам Асфалии. А он продолжал широко улыбаться, и эта улыбка, казалось, была такой же немнущейся и прямой, как складки на его мундире. Мимис положил руку на спинку стула и наклонился к ней. Эта близость волновала ее, вызывая смутную тревогу; по коже пробежали мурашки. Уже не возражая, Беба позволила офицеру сесть за руль «Шкоды», а сама села на место Власиса.

С тех пор она каждый день в восемь вечера ждала его, сидя в машине, в одном из переулков близ площади. Мимис приезжал в военном «джипе», выходил чуть поодаль и отпускал машину, а затем мягко, как кошка, юркал в «Шкоду», и они молча ехали мимо закрытых сувенирных киосков в одну из кофеен на городской окраине.

Однажды на рассвете они сидели на балконе мотеля у шоссе у дороги близ Ламии, рядом с бензоколонкой. Серый асфальт, дымившийся под колесами автомашин, тянулся до самого горизонта. Беба сидела, закутавшись в куртку защитного цвета, и вздрагивала от утреннего холодка; офицер, голый до пояса, с потухшей сигаретой в зубах, молча глядел вниз. Там, у входа в мотель, стояла маленькая «Шкода», освещенная первыми лучами солнца – легкое напоминание о мастерской, о Власисе Тандисе, о друзьях из Неа Смирни.

В Афины возвращались под вечер. Справа – гора Парница, слева – Пенделикон, в глубине – гора Гимет. А между ними, окутанный выхлопными газами город – целый лес из стали

и бетона. На углу улиц Пипину и Ахарнон Беба увидела дом, в котором они когда-то жили с отцом, – вон и балкон, на котором летом цвела герань. Герань давно завяла, в доме открылось казино. На площади Омония они проехали мимо патруля. Патруль был смешанным: офицер и три солдата из трех родов войск. Они шагали, заложив руки за спину, с дубинками на поясе. Беба вспомнила те давние времена, когда Власис приходил в увольнение, а они вдвоем искали уголок поукромнее. В то время Власис был неуклюжим солдатом, одуревшим от гауптвахты и постоянного недосыпания в караулах. Брюки у него на коленях пузырились. Лицо серое, землистое, ресницы белые от пыли. Казалось, он хочет только одного – укрыться в ее объятиях. По сравнению с Власисом этот лейтенант, что сидит рядом, и впрямь выглядит профессиональным военным. От прелестной ночи, проведенной вместе, не осталось даже воспоминания. Теперь он казался Бебе грубым, заурядным мужчиной, прямым потомком тех вояк-полицейских времен партизанской войны, которые принимали арестованных и политзаключенных на островах Юра и Макронисос⁵.

Пересекли перекресток Пиреос и Иерас, проехали мимо мастерской. Жалюзи опущены, на вывеске все видны слова «Власис и Варвара Тандис»... Лейтенант настаивал на встрече. Беба не отвечала. Тогда он написал ей на клочке бумажки телефон своей части. Беба сунула бумажку в черную бисерную сумочку, между сигаретами и гигиеническим пакетом. Затем она долго бродила по переулкам Руфа, по знакомым тротуарам, мимо знакомых дверей и подъездов и, наконец, воровато озираясь, пошла в свой дом.

Открыв входную дверь, она сразу почувствовала новый запах. Пахло аптекой. В воздухе витало напряжение – как будто их дому грозила опасность. На их двуспальной кровати лежал в одежде Власис, с бледным лицом и широко раскрытыми глазами, устремленными в потолок. Пиджак был измят, а галстук растерзан, точно после драки (для испытания на прочность). Рядом с кроватью лежал распахнутый чемодан. На полу валялись счета и среди них – фотография Бебы, где она была снята в Коккинос Милос, во время загородной прогулки.

Врач что – то говорил о нервном синдроме, требовал историю болезни – Беба смогла разыскать только какие – то старые рецепты, ведь прошло столько лет. Сделав Власису успокаивающий укол, врач назначил курс лечения и ушел.

Прошло некоторое время. Беба ходила на цыпочках, держа в одной руке чашку с бульоном, а в другой – книжку. Она садилась рядом с кроватью и непрерывно листала книгу, отвлекаясь только, чтобы поднять телефонную трубку. Звонили то Рахутис, то Малакатес. Она сухо сообщала им, как чувствует себя больной, и сразу вешала трубку. Дни шли за днями, нервы у больного успокоились. Он снова стал выходить на улицу, в магазины; наконец сел опять за письменный стол, склонился над счетами, которых накопилась целая гора. Бебе казалось, что Власис пытается разглядеть в них что – то тайное и ему неизвестное. В такие минуты ей хотелось обратиться к нему, спросить о каком – либо пустяке, касающемся поездки в Патры. Но в его взгляде, во всем выражении лица присутствовало нечто такое, что мешало ей, – и она откладывала разговор. Большую часть дня Власис сидел неподвижно и следил за тем, как за хрустальными люстрами дневной свет становился сперва голубым, потом фиолетовым и под конец черным. И казалось, что все идет как прежде...

В субботу, в девять вечера, маленькая «Шкода» в который раз подъехала по Сингру к ресторанчику «Мариди». Два друга уже поджидали их все за тем же столиком. В своих белых просторных костюмах они походили на официантов, занявших после рабочего дня места посетителей. Как только появились супруги Тандис, друзья вскочили с мест и стали их усаживать. Затем сели сами. Выпили, разговорились... Спирос вспомнил Америку. Он работал мойщи-

⁵ После поражения демократических сил Греции в гражданской войне 1946 – 1949 гг. тысячи борцов, воевавших в рядах партизанской армии, ЭЛАС, были сосланы на пустынные острова в Эгейском море. Самой зловещей славой пользовались концлагеря на островах Юра и Макронисос.

ком посуды в Нью – Йорке, агентом по заключению пари в Огайо... В Филадельфии одна американка приютила его, а затем выгнала... Потом один еврей уговорил его поехать в Аризону наняться жокеями. Поехали, а там их отправили на конюшню – кормить лошадей... Наконец, один добросердечный земляк помог вернуться на родину. Потом была еще одна поездка – с греческим экспедиционным корпусом в Корею. Там, в Сеуле, он был снабженцем. Воровал, и у него воровали... Словом, приключениям не было конца.

Власис слушал, склонившись над тарелкой и старательно жуя, Беба – откинувшись на спинку стула и обмахиваясь сандаловым веером. Оба казались немыми и безучастными, как идолы с острова Пасхи.

Васос вспомнил, как, набрав лекарств и рекламных проспектов, бегал по врачам, аптечным складам и торговым конторам. Тогда – то он и научился красноречию. Рассказывал о рекламных трюках, помогающих сбывать товар, о медикаментах, которые врачи брали у него для своих клиентов, о конкурсах министерства здравоохранения, где даже самые паршивые лекарства приносили отличные дивиденды. Он сравнивал возможности валиума и тофранила, говорил о колитах, язвах, желудочных кровотечениях, затем перешел к психическим заболеваниям, дошел до мозговых травм, аневризм, опухолей и лоботомии. Сам худой и черный, он говорил обо все этом глубоким басом.

Беба вдруг поднялась с места и пошла к морю. Друзья молча курили, глядя ей вслед. Она остановилась у самой воды. Ночное море было спокойно и пустынно, только вдоль побережья плыл фонарь, выслеживавший осьминогов и кальмаров. Порой фонарь бросал луч света на лица друзей и тут же исчезал за прибрежными скалами. Постояв немного на берегу, Беба вернулась. Ее черные волосы сливались с темнотой, только белая кожа поблескивала в лунном свете. Не говоря ни слова, Беба провела ладонью по затылку Васоса, обняла Спироса за плечи – и только после этого, точно получив разрешение, прикоснулась влажной рукой ко лбу мужа.

Выпив вина, Беба отдыхала теперь в кругу троих друзей. Она чувствовала, что это ее семья, из которой нельзя изъять ни одного члена – если это произойдет, тогда исчезнет все, созвездие угаснет. И она подносила ко рту бокал за бокалом, откидывая резким движением волосы.

Мы уедем с тобою
в дальние страны, в другие края...

Кто – то поставил старую пластинку. Все сразу узнали и притихли, вслушиваясь в полузабытые слова.

...и обнявшись пойдем
по великим дорогам прямым...

Как давно это было. Они впервые услышали эту песню, когда окончилась война. Распевали ее несколько лет подряд. Васос предположил, что это было как раз в тот год, когда раскрылась история с талидомидом⁶, а Спирос уверял, что слышал эту песню в Корее на одной из пластинок, которые присылали солдатам родные. Беба вздрогнула: ей показалось, что это было как раз тогда, когда она маленькой девочкой ходила по родным в надежде узнать что – нибудь о братьях отца, о своих двоюродных братьях Такисе и Алекосе, о двоюродной сестре Нане, обо всех, кто, как тогда говорили, «отдыхал» на Макронисосе. Тогда эту песню все время

⁶ Талидомид – широко разрекламированное в 1960–х годах на Западе успокоительное средство для беременных. Как выяснилось впоследствии, его применение приводит к рождению детей с тяжелыми уродствами.

передавали по радио попеременно с последними известиями, убеждавшими в благополучии и единстве нации.

...милая, плакать не надо...

Она вспомнила об этом и вдруг громко рассмеялась. Ее смех подхватили остальные. «Будем здоровы!», «За нас!». Все развеселились и стали чокаяться.

Даже Власис, которому весь вечер среди шума и смеха не давала покоя одна мысль, точнее – воспоминание о том, как ему давным – давно, когда он вместе с родителями пересаживался с поезда на поезд на незнакомых провинциальных вокзалах, хотелось взять и броситься под колеса поезда, и казалось даже, что огромный состав уже наезжает на него, раскалывая надвое его маленький мир, – даже Власис опомнился, услышав смех жены.

Бебе было весело в ту ночь – она веселилась больше, чем обычно. То ли вино так подействовало на нее, то ли вечер в самом деле был необыкновенным. Казалось, будто это последний вечер, который им дано было вот так провести вместе. Глядя на вырез Бебиного платья, Власис угадывал под ним свою любимую родинку, похожую на цветок, засушенный в старинной книге. А пластинка все играла:

...мы уедем с тобою...

Внезапно поднялся ветер. Шаль на плечах Бебы развевалась, белый пиджак Спираса, казалось, готов был сорваться и улететь. Лицо Васоса вовсе пропало в темноте, виднелись лишь глаза да окружавшие его глубокие морщины. Даже маленькая «Шкода», стоявшая в переулке, была похожа на детскую игрушку, уже сломанную, но еще чудом державшуюся на своих четырех колесах...

Глава 2. Поездка в провинцию

Вечерами Беба Тандис, сидя за столом и поставив ноги на коврик, погружалась в расчеты. Приближалась зима, а они еще и драхмы не выручили. То клиенты под разными предложениями задерживали платежи, то поставщики отказывались снабжать мастерскую.

Беба закрывала книги и закуривала. Облокотившись на руку, она снова и снова пыталась найти выход. Похоже, не оставалось ничего иного, как самим ехать и разбираться со всеми на месте. Потому что – объясняла она Власису – переписка и звонки это одно, а непосредственный деловой разговор – совсем другое. Тогда им уже не отвертеться. И поскольку ей как женщине будет трудно справиться одной, ехать надо вместе. Надежным клиентам они дадут новые кредиты, а на тех, кто увиливает и не платит, подадут в суд. Сейчас, когда их маленькому кораблю грозила опасность, Беба забыла об остальных проблемах. «А мастерская, что будет с мастерской?» – волновался Власис. На это у Бебы уже был готов ответ: в мастерской останутся Рахутис и Малакатес. Это самые подходящие люди, работать они умеют, к тому же друзья.

Все было оформлено в мгновение ока. Васос расположился за письменным столом, Спирос взял на себя все хлопоты, сделки с заводами и банками. Перечислили еще раз основные обязанности, передали расчетные книги, деньги. Беба взяла только ключи от сейфа, где хранились акции, рубиновая брошь и жемчужное кольцо. В пятницу после обеда Беба съездила на «Шкоде» на техосмотр, а в субботу утром супруги двинулись в путь. «Могли бы и другой день выбрать», – ворчал Васос. «Как же мы поедем в "Мариду" без Тандисов? Что о нас люди скажут?» – вторил ему Спирос. И все время, пока Беба заводила машину и выезжала на улицу, Власис, сидевший рядом с ней с плащом на руке, молча глядел на мастерскую, мелькавшую в зеркальце.

Там свисали с потолка бесчисленные люстры: бронзовые каркасы с дешевой позолотой, «оплывшие» свечи, покрытый еле заметными трещинами хрусталь, лопнувший еще при получении, а уж потом помутневший от времени и пыли, бра под ампир, настольные лампы в стиле какого – то Людовика, торшеры «а – ля Мария – Антуанетта» со штампованными узорами на абажурах из пропитанной парафином бумаги «под папирус». Одного за другим он вспоминал клиентов, бравших весь этот стеклянный хлам. Векселя, рассрочки, морщины, седина...

А в глубине мастерской он мысленно видел склоненного над счетами Васоса. В очках, съехавших на кончик носа, он казался доисторической черепахой, с любопытством высунувшей голову из панциря, чтобы поглазеть на мир. Рядом с Васосом стоял Спирос и, слюнявя палец, пересчитывал деньги в пачке. Власис представил себе, как он выглядел в Корее – в берете набекрень и заношенной гимнастерке десантника. Затем вдруг он явственно увидел, как Спирос на корабле возвращается домой – небритый, с поднятым воротником и потухшей сигаретой во рту. Сердце Власиса сжалось – ему стало жаль своих одиноких друзей, махавших им вслед. В зеркальце «Шкоды» они становились все меньше и меньше, пока не скрылись за поворотом.

В субботу в Ламии к полудню супруги Тандис уже справились с основными делами, а мелкие перенесли на понедельник. В воскресенье познакомились с городом. Осмотрели памятник Дьякосу⁷, пообедали в ресторане «Елисейские поля» на площади Элефтериас...

После обеда гуляли в парке. Вокруг скульптуры эвзона⁸ играли дети, отчаянно крича. Их матери чинно сидели на лавочках, вязали и с гордостью смотрели на детей. Вечером супруги пошли в кино, и когда уже совсем поздно вернулись в гостиницу, в номере наступило гнетущее молчание. В понедельник утром маленькая «Шкода» выехала в Фессалию.

⁷ Афанасиос Дьякос – прославленный герой национально-освободительной революции 1821 г.

⁸ Эвзон – солдат национальной гвардии.

В полдень по центральной площади Ларисы, фессалийской столицы, сновали одуревшие от зноя люди. Под козырьками магазинов у дверей торчали приказчики, глаза на проходящих девушек. Жевали резинку, не вынимая рук из карманов. Хозяева же будто сквозь землю провалились. Супруги Тандис находили их в кофейнях – многие резались в карты, не выпускали изо рта потухших окурков. На Бебу они глядели, как на мираж, – и продолжали игру. Но Беба не сдавалась, и под ее упрямым натиском они начинали ныть и жаловаться на трудности, указывали на своих бесчисленных ребятишек, уверяли, что их жены не могут купить лишнего платья. Власис отступал. Но Беба размахивала перед носом торговцев их собственными расписками и быстро прибирала их к рукам. Эти же самые люди, объясняла она Власису, без зазрения совести спускают в тавернах с девицами по пятьсот драхм за вечер. «Их не жалеть надо, давить», – говорила Беба. А одному оптовому торговцу стеклом по имени Сакалис она даже устроила через адвоката целый скандал. Не успел адвокат положить телефонную трубку, как Сакалис примчался с деньгами и дорогим подарком. Расстались лучшими друзьями.

По вечерам Лариса как бы уменьшалась в размерах. Город был сдавлен густым мраком, сквозь который даже электрические огни прорывались с трудом. В это время бар в гостинице наполнялся коммерсантами, высокопоставленными чиновниками и владельцами предприятий. Они полукругом усаживались перед телевизором – неуклюжие, с гладкими затылками, – а над ними под потолком мерно гудели вентиляторы. Изредка кто –нибудь из них открывал записную книжку, шел звонить по телефону и опять садился к телевизору. Около десяти часов бар пустел. Было слышно, как одна за другой запирались двери номеров, как кто – то из запоздалых постояльцев вызывал лифт, а затем доносился ровный шум поднимающейся кабины. Ковры в коридорах заглушали шаги. Гостиница погружалась в глубокий сон. Лишь из номера Тандисов бессонной полоской струился свет.

Лежа на боку, свесив руку с постели, Беба просматривала журналы. Глаза слипались; она закрывала их на секунду, а затем раскрывала опять, чтобы перевернуть страницу. Рядом лежал Власис с раскрытой книгой в руках. У него в чемодане их было несколько: «Остров сокровищ», «Робинзон Крузо» – все знакомые и любимые. Потом Беба бросала журнал и выключала свет. Власис продолжал лежать с книгой на груди.

В темноте тело жены, накрывшейся простыней с головой, напоминало ему африканские песчаные барханы; жалюзи на окне напоминали морские волны, а неоновая реклама у входа в отель – маяк, мигающий на мысе. Власису вдруг показалось, что он потерпел кораблекрушение и его выбросило на неизвестный остров. Когда он стал искать дорогу вглубь острова, за одним из холмов внезапно появилась огромная финиковая пальма, по которой лазили две обезьянки: одна толстая с одышкой, другая – юркая и худая, но как будто хромя на одну ногу. Они быстро забрались на верхушку и уставились на него. Лишь теперь Власис понял, что это Рахутис и Малакатес; обезьянки гримасничали и делали какие-то знаки длинными волосатыми лапами.

Лежавшая рядом Беба спокойно дышала. Под батистовой ночной рубашкой в цветочках грудь ее то подымалась, то опускалась, как будто в такт какой – то песенке. Осторожно, чтобы не разбудить, Власис протянул руку и коснулся ее ладонью – не то ночной рубашки, не то обнаженного тела. Вначале по его пальцам словно пробежал электрический ток; затем все его тело замерло, точно в оцепенении.

На следующее утро перед ними под слепящими лучами солнца во всю ширь раскинулась фессалийская равнина. В поле женщины в платках что – то прореживали, пололи. Их склоненные тела сливались в одну линию с горизонтом. Поле бороздили тракторы; дети сидели на них гроздьями. А вдалеке сновали на повозках, груженных корзинами, детишками и собаками, крестьяне – фессалийцы. На лицах у них такая беспробудная дремота, что начинает сосать под ложечкой. Под мерное покачивание машины Власис расслабился и представил себе, что едет на телеге, запряженной старыми клячами, крупы которых облепили мухи. Он едет сперва по

проселку, а потом по еле заметным тропкам, все дальше и дальше от людей, от цивилизации. Вереница деревьев над ним освежающе шумит листвой. Целый мир букашек копошится на зеленом ковре; насекомые и птицы рассекают осеннее небо, сопротивляясь неистовому ветру. А солнце царственно парит над горизонтом... В жужжании «Шкоды», ровно идущей со скоростью девяносто километров в час, Власису слышался голос жены, перечисляющий имена клиентов, счета и долги. В зеркальце он видел ее лицо, закрытое большими темными очками, и белую ленту в волосах.

Эту самую ленту он увидел впервые много лет назад в грузовичке, колесившем по афинским предместьям: Гераклион, Петруполис, Неа Лиосиа, Калогреза. Беба с группой рабочих и студентов распространяла листовки. Они «прочесывали» целый квартал сразу, обходили все дома и таверны, приглашая жителей в пустые школы и общинные клубы, где лысеющий блондин в очках произносил зажигательные речи. От возбуждения на щеках у Бебы появлялся румянец – так она была поглощена подготовкой митингов и распространением листовок. Румянец не сходил с ее щек и когда они поздно вечером говорили за столиком дешевого ресторана о свадьбе, о мастерской, обсуждали планы на будущее. На следующее утро агитгруппа снова колесила в своем миленьком грузовичке по городским кварталам, провозглашая лозунги о повышении заработной платы, самоуправлении и народном правительстве.

Теперь он не мог представить себе, что за рулем рядом с ним сидит та самая женщина. Он вдруг подумал, что фамилия ее вовсе не Тандис, что ничего подобного и в помине никогда не было, что она просто старшая родственница той, которую он любил когда – то. Если бы он мог остановить машину, увлечь Бебу на лужайку и обнять как прежде, когда она все бросала и приходила к нему. Жена скосила глаза в его сторону, и Власис ощутил ее изучающий взгляд из – под темных очков. А маленькая «Шкода» все глубже увязала в прибылях и убытках маленькой стекольной мастерской, в темноте надвигающейся ночи.

Проехали Аксиос, показались Салоники. По обеим сторонам дороги теснились дубильни и пивоварни, заводы, обрабатывающие дерево и железо. По дороге тянулись вереницы грузовиков, трехколесных фургонов и мотоциклов. Беба сняла темные очки, включила отопление и накинула пальто. Под звуки радио, транслировавшего футбольный матч, Власис курил одну сигарету за другой. Цвет лица у него бы неважный, какой – то землистый; он нервно потирал руки. Въехали в пригород. Рядом с виллами в византийском стиле, обсаженными лаврами и кипарисами, возвышались многоэтажные дома, а между крытыми рынками и турецкими банями виднелись мраморные подъезды отелей.

В одном из них, что на улице Эгнатия, супруги сняли номер. «Пусть эти торгаши видят, – сказала Беба, – что мы живем не где – нибудь, а в шикарной гостинице».

Чулки ее промокли, и она повесила их над ванной. Затем сняла трубку и попросила срочно соединить с Афинами. Свернувшись калачиком на постели и укрывшись одеялом, Беба все спрашивала и спрашивала, что – то выясняла и уточняла. Власис слышал в трубке голос Васоса, глуховатый и хриплый, то и дело прерываемый одышкой. Он представил себе, как там, рядом с Васосом, стоит Спирос, усиленно морща лоб, а потухшая сигарета, прилипшая к его нижней губе, беспокойно вздрагивает. Похоже, им обоим удалось втиснуться в телефонный провод, так что из трубки с минуты на минуту покажется пара симпатичных лилипутов.

Положив трубку, Беба закурила и посмотрела на мужа холодным, неподвижным взглядом. Власис хотел спросить о мастерской, о друзьях, но что – то во взгляде жены заставило его отложить разговор. Позже Беба заказала себе в номер холодное жареное мясо и бутылку кока – колы. Власис выпил только стакан кефира и сразу лег. И хотя поужинал он легко, ему казалось, будто какая – то тяжесть в груди мешает заснуть, и он долго вертелся в постели с боку на бок.

Потом он никак не мог вспомнить, в какой связи в ту ночь перед его взором предстал отец Бебы – седой, с подстриженными усами и лукавыми голубыми глазами. Он лежал в гробу, в красном галстуке, темном костюме, убранный белыми цветами. Казалось, старик просто отды-

хает на мягком диване с подушками, – купленном, помнится, на улице Патисион, – и вот – вот протянет руку за лежащими рядом сигаретами. Курил он сигареты «Ариста» фабрики Мацангоса, вечно записывая на пачке то имена, то номера счетов или телефонов. Он мог разговаривать и одновременно перемножать в уме большие числа. «А дети – то, – спросил он, обернувшись к Власису, – как думаешь, дети когда у вас появятся?»

Он вспомнил, как Беба, беременная на пятом месяце, ходила по заставленной громоздкой мебелью двухкомнатной квартире, которую они сняли тогда в районе Руф. Взгляд ее был обращен в себя, словно ей хотелось поскорее увидеть ребенка. Ребенок ворочался в ней, а Беба теряла сознание, ее тошнило. Но однажды, на день святого Симеона, ребенок перестал шевелиться. В клинике, где Бебе сделали аборт, Власис днем и ночью сидел у ее кровати, менял компрессы, отваром шалфея смачивал пересохшие губы. Беба лежала неподвижно, глядя на картину, где архангел Гавриил является деве Марии. Картина называлась «Непорочное зачатие». Здесь, в гостиничном номере, Власису хотелось положить ей на грудь голову, обнять руками живот. Но Беба спала, и ему показалось даже, что жена улыбается во сне. Эта улыбка делала ее похожей на отца, напоминая Власису его красный галстук и голубые глаза. На другой день утром, когда Власис проснулся, Бебы рядом с ним уже не было.

На улице Эгнатия моросил мелкий дождь. С непокрытой головой, кое – как запахнув плащ, Беба спешила в квартал Вардари. Навстречу ей торопились буднично одетые люди: все оттенки серого вперемежку с дешевеньким красным, морщинистые лица, согбенные фигуры – видно было, что некоторые просто больны. Это был поток поденщиков, лавочников, ремесленников, мелких служащих вкупе со школьниками из отдаленных кварталов, ночными сторожами, рабочими из Ксанти и Комотины, приехавшими в поисках работы. От них пахло луком и чесноком, на лицах глубокими бороздами залегли повседневные заботы.

Когда – то Беба мечтала о такой жизни... Она вспомнила, как в детстве ездила с отцом из Эгиона в Патры получать товар. Они сливались с шумной городской толпой, растворялись в ней. Здесь у каждого, и у мужчин, и у женщин, был свой запах... Потом они ходили на склады, где конторщики оформляли накладные, и на пирс, где огромные краны переносили ящики с шампанским, снабженные надписями «Осторожно – стекло». Ближе к вечеру гуляли по набережной среди прочей фланирующей публики, среди оценивающих взглядов, шушуканья и болтовни о политике в кофейнях. Ощущение вернулось. Пьянящее веселье от общения с молодежью, которая по утрам работала в деловом квартале Хатиа и на улице Афинас, продавая американские часы и меняя в банках валюту, а по ночам расклеивала листовки. И она, в ситцевой блузке, вместе с совсем еще зелеными рабочими пареньками, которые только и думали, как бы прижать ее втихомолку к себе, глубоко вдыхала запахи громадного города и не могла насыщаться. Затем она поступила в Университет. Принимала участие в демонстрациях, удирала от фашиствующих молодчиков, которые с дубинками в руках кружили вокруг площади Омония, толкалась в коридорах Асфалии, всегда заполненных студентами и противниками режима.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.